«СПОРНЫЯ» ДРАМЫ ШЕКСПИРА.

(ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ „ЮРКШИРСКОЙ ТРАГЕДІИ“).

Викторъ Гюго разсказываетъ, какъ послѣ переворота 1851, переселясь на островъ Джерсей, онъ и его меньшой сынъ спросили другъ друга, что̀ они будутъ дѣлать въ изгнаніи, и рѣшили, онъ— „смотрѣть на океанъ“, молодой человѣкъ—переводить Шекспира. Океанъ внушилъ Виктору Гюго не одну вдохновенную пѣснь, начиная съ грозныхъ „Châtiments“; работа сына должна была горячо занимать его. Покуда сынъ переводилъ поэта, Викторъ Гюго писалъ свою книгу „William Shakespeare“, у насъ мало извѣстную; это—лирическая философія, прославленіе и объясненіе поэзіи всѣхъ вѣковъ, отъ Эсхила до нашихъ дней. Когда сынъ окончилъ переводъ, Викторъ Гюго написалъ къ нему предисловіе, гдѣ касается уже только одного Шекспира.

— „Почти всегда, говоритъ онъ, переводы принимаются какъ что̀-то навязанное насильно, извнѣ. Иностранная поэзія обогащаетъ національную, но,—такъ по крайней мѣрѣ бываетъ вначалѣ, — обогащеніе не по̀-сердцу тѣмъ, кто имъ пользуется. „Что̀ станется съ родной литературой? кричатъ они:— къ чему чуждая примѣсь, множество образовъ, безконечныя метафоры? греческія—грубы, англійскія — дики“... Во Франціи, въ XVII вѣкѣ былъ вопросъ — переводить ли Гомера, и рѣшали, что не надо; даже въ наше, въ недавнее время, Стендаль заявлялъ печатно, что предпочитаетъ Гомеру — „Записки маршала Сенъ-Сира“... А въ XVIII вѣкѣ спрашивали, нужно ли переводить Шекспира? Вотъ письмо Вольтера къ Лагарпу: „мнѣ необходимо вамъ высказать, какъ я золъ на нѣкоего Летурнёра. Говорятъ, онъ секретарь библіотеки, — только ужъ не блюститель изящнаго вкуса. Читали вы двѣ книжки этого негодяя? Онъ приноситъ всѣхъ французскихъ писателей въ жертву своему идолу Шекспиру, какъ приносили свиней въ жертву

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

Церерѣ,—не удостоиваетъ и по имени назвать Корнеля и Расина: они просто отвержены въ общей массѣ. Ужъ два тома вышли этого Шекспира, будетъ еще пять. Балаганное искусство,—какъ представляли на ярмаркахъ двѣсти лѣтъ назадъ. Довольно ли сильна въ васъ ненависть къ этому безстыдному дураку? Во всей Франціи мало ослиныхъ колпаковъ и позорныхъ столбовъ для этой дряни. Кровь кипитъ въ моихъ старыхъ жилахъ, когда заговорю о немъ. И что̀ ужасно: у чудовища есть партія! И, въ довершеніе несчастія и ужаса,—я самъ, я первый заговорилъ объ этомъ Шекспирѣ, я показалъ французамъ кое-какія жемчужины, которыя нашелъ въ его громадномъ навозѣ. Не ждалъ я, что помогу топтать вѣнцы Корнеля и Расина и украшать лаврами голову варвара скомороха“...

Летурнёръ, человѣкъ почтенный, лауреатъ провинціальныхъ академій Монтобана и Безансона, весь отдался Шекспиру, хлопоча единственно о томъ, какъ его *обчистить*, какъ сгладить его рельефы и угловатости, чтобы только какъ-нибудь дать ему *пройдти*; Летурнёръ добросовѣстно работалъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ, скромный какъ дѣвочка, робкій, учтивый, неспособный на злобу и отместку,—всю жизнь прожилъ онъ подъ именемъ *негодяя*, брошеннымъ ему громовымъ голосомъ Вольтера, и удивляясь: за что?—Такъ и умеръ. Англичане были не милостивѣе французовъ; какой-то лордъ сказалъ о Летурнёрѣ:—„Надо быть дуракомъ, чтобъ переводить безумнаго“.

Англичане два вѣка оскорбляли своего поэта. Его бранили и презирали литераторы и короли,—за королями дворъ и общество...

— „Въ настоящее время (продолжаетъ Викторъ Гюго) переводить Шекспира дозволяется, но трудность перевода остается та же... Шекспиру надо довѣриться, отдаться честно и просто, гордо и восторженно; ничего не обходить, не пропускать, не смягчать, не прятать, набрасывая покрывало или надѣвая маску; не принимать дерзкихъ предосторожностей, рекомендуя генія среднимъ умамъ:—„вотъ каковъ онъ; не угодно ли?“—не стыдиться великаго человѣка, а исповѣдать и провозгласить его, *принять печать его*, слиться съ нимъ въ одну плоть и кровь, думать его мыслью, говорить его словами... Задача великая!..“ „Труденъ путь въ этотъ рай, говоритъ Викторъ Гюго:—врата поэзіи отверзаются ключемъ знанія. Тому, кто взойдетъ по лѣстницѣ всѣхъ этихъ томовъ,—наградой—вѣчное присутствіе божественныхъ тѣней, кружащихся надъ его головою...“

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

Франсуа Гюго выполнилъ свою задачу. Молодой человѣкъ отдалъ двѣнадцать лѣтъ жизни труду, перечитывалъ, разыскивалъ, сравнивалъ тексты „безъ отдыха, въ горячкѣ отваги, понимая всю свою отвѣтственность, создавалъ памятникъ Шекспиру“. Трудъ былъ оцѣненъ; высшая критика Англіи и Германіи признала совершеннымъ, „окончательнымъ“, переводъ Франсуа Гюго; отъ имени Франціи это подтвердилъ его великій отецъ, заключая свое предисловіе къ труду сына:

— „Этимъ дѣломъ молодой человѣкъ выразилъ свою благодарность обѣимъ націямъ—своей родной и той, что̀ приняла его какъ гостя: онъ послалъ Франціи портретъ Англіи. Теперь, когда приближается часъ священнаго сліянія всѣхъ народовъ,—такое дѣло не просто литературный фактъ, а подвигъ. Это—благоговѣйный, трогательный даръ отечеству отъ добровольнаго изгнанника...“

Кромѣ извѣстныхъ драмъ Шекспира, Франсуа Гюго перевелъ нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя въ Англіи считаются „спорными“ и не входятъ въ изданія поэта. *) Онѣ отысканы съ величайшимъ трудомъ, и разыскивать ихъ были слѣдующія основанія:

Стаффордскій викарій Джонъ Уардъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что Шекспиръ, удалясь въ 1604 г. на житье въ Стаффордъ, обязался поставлять на театръ Globe по двѣ піесы въ годъ. Въ 1613 г. театръ Globe сгорѣлъ до тла; артисты едва спаслись; что̀ сталось съ рукописями? Разъ передавъ ихъ театру, Шекспиръ уже не признавалъ за собою на нихъ права. Напечатаны были только четырнадцать,—въ ихъ числѣ не было *Отелло* и *Макбета*! Умирая въ 1616 г., Шекспиръ вспомнилъ въ своемъ завѣщаніи „друзей“-артистовъ Бербеджа, Геминджа и Конделля, вѣроятно, надѣясь, что „друзья“ позаботятся о его произведеніяхъ.Эти произведенія валялись и тлѣли въ грязныхъ театральныхъ сундукахъ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ.

Бербеджъ, единственный способный и дѣятельный, единственный другъ, понимавшій мысль и видѣнія поэта, олицетворившій ему любезные образы,—умеръ почти вслѣдъ за нимъ, и ничего не успѣлъ сдѣлать, чтобъ упрочить его славу. Съ Бербеджемъ ушли и истинныя преданія шекспировской сцены.—Остались Геминджъ, Конделль,—люди неизвѣстные. Они старѣлись, богатѣли, торговали, не помышляя о Шекспирѣ. Вдругъ, какой-то предпріимчивый книгопродавецъ Уолькли досталъ себѣ

*) Въ томъ числѣ Іоркширскую трагедію.

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

откуда-то списокъ *Отелло*, оттиснулъ его и издалъ; за нимъ другой подхватилъ *Какъ вамъ угодно*, а тамъ—*Макбета*... Бѣда! такъ пожалуй растащутъ все. Друзья спохватились издавать Шекспира сами...—„Жадность подумала о своихъ выгодахъ и принялась торговать безсмертіемъ“, замѣчаетъ Гюго.

Кто поручится, что Геминджъ и Конделль собрали въ своемъ изданіи все,—что они не растеряли сами? Они не понимали ни важности дѣла, ни своей отвѣтственности; для нихъ это было только издательское предпріятіе. Они вычеркивали, сокращали, портили, поправляли, устраивали Шекспира по своему вкусу; они его не очень уважали. Что̀ жъ? онъ былъ ихъ товарищъ; они ему *ты* говорили; такой же актеръ: игралъ „Тѣнь“ въ *Гамлетѣ*; изъ одной труппы, одни румяны, одни подмостки; вмѣстѣ имъ хлопали, вмѣстѣ ихъ освистывали. И равно съ нимъ—внѣ общества, равно отвержены; за одно гнали ихъ и пуритане и аристократія... Зато, какое предисловіе написали для публики эти „друзья“-издатели! Какъ униженно, съ какимъ трепетомъ обратились они къ вельможамъ, преподнося свое изданіе...

Франсуа Гюго подробно говоритъ о недостаткахъ этого изданія, о пропускахъ и искаженіяхъ, о провѣркѣ текста, о розыскахъ какіе только возможно было сдѣлать, объ указаніяхъ, какія только можно было найдти. Онъ перечиталъ и свѣрилъ все.—*Четырнадцать* „безспорныхъ“ драмъ были напечатаны еще при жизни Шекспира. Изъ остававшихся въ рукописяхъ *двадцать одна* вошли въ изданіе Геминджа въ 1623 г. Итого—*тридцать пять*. Но не было ли еще. Гдѣ же онѣ? Геминджъ, не церемонясь и съ тѣми, которыя были въ его рукахъ, дорожа только своей прибылью—натурально, не заботился отыскивать. Онъ, можетъ быть, и самъ растерялъ рукописи. Были сомнѣнія, и, слѣдовательно, поводъ искать. Съ 1634 г. книгопродавцы Уаттертонъ, Кирксменъ, и особенно Четвиндъ усердно принялись за поиски. Три рукописи нашлись въ библіотекѣ короля Карла II. Въ сорокъ лѣтъ,—съ 1623 по 1664 — набралось *двѣнадцать* драмъ. Однѣ признавались по преданію, другія по инициіаламъ „W. S.“, третьи—по полной подписи Шекспира,—всѣ—по его *манерѣ*, по геніальному, хотя бы и не всегда ровному, слѣду его руки. Въ 1664, Четвиндъ смѣло включилъ найденныя имъ семь пьесъ въ свое изданіе Шекспира и онѣ продолжали такъ перепечатываться почти три четверти вѣка, до 1735 г. когда Попе отвергъ и изгналъ ихъ всѣ, кромѣ *Перикла*, котораго оставилъ,

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

противорѣча самому себѣ. Съ тѣхъ поръ, принявъ *Перикла*, всѣ англійскія изданія только повторяютъ изданіе 1623 г.

Приговоръ критики не остановилъ *искателей* Шекспира: въ 1760 и 1770 гг. они открыли еще двѣ драмы. Въ 1831 г. Тикъ „обращалъ вниманіе литературнаго міра“ на *Забавную комедію пастуха Джорджа Грина*, которую признавалъ за одну изъ раннихъ шекспировскихъ. Наконецъ, въ октябрѣ 1865 г. въ Хрустальномъ Дворцѣ былъ выставленъ томикъ, при объяснительной запискѣ: — „пьеса, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, писанная Вилліамомъ Шекспиромъ, съ его собственноручными замѣчаніями, добавленіями и поправками“. Это—комедія *Альбумаваръ*. Ее приписывали нѣкоему Томкинсу, и Бенъ Джонсонъ подражалъ ей въ одной изъ своихъ комедій.

Всего найдено *шестнадцать* пьесъ—цѣлая треть шекспировскаго театра. Эти сомнительныя, „апокрифическія“, драмы неровны по слогу, иныя нестройны, нѣкоторыя удивительны. Франсуа Гюго сомнѣвается, чтобъ онѣ когда-нибудь въ Англіи вошли въ общее собраніе твореній Шекспира; англійская критика продолжаетъ отвергать ихъ, а законность *Перикла* утвердилась только столѣтней давностью. Но критика нѣмецкая „менѣе исключительная, болѣе философская, глубже посвященная въ таинства шекспировскаго слова, вѣрная не буквѣ, а духу“ — приняла и утвердила достовѣрность этихъ апокрифовъ. Тикъ въ нихъ несомнѣвается и почти всѣ перевелъ и напечаталъ въ своей Shakespeare's Vorschule. Фантастическая комедія *Рожденіе Мерлина* существуетъ всего только въ двухъ экземплярахъ въ Британскомъ музеѣ; для своего перевода Тикъ заказывалъ ее переписать. Онъ полагаетъ, что ее писали двое—Шекспиръ и Самуилъ Роули,—но въ третьемъ и четвертомъ актѣ находитъ красоты поразительныя... Лессингъ хотѣлъ ставить *Лондонскаго Блуднаго Сына* на нѣмецкой сценѣ. Шлегель считалъ *Лорда Кромвелля* и *Іоркширскую Трагедію* одними изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій Шекспира, лучшей поры его генія... Ульрици узнаетъ глубокую иронію мастера въ комическихъ сценахъ *Локрина* и проситъ, чтобъ ему сказали имя того „неизвѣстнаго Шекспира“, который написалъ *Эдуарда III*...

— „Вѣковой вопросъ можетъ разрѣшить критика французская, говоритъ Франсуа Гюго. Предлагаю мой переводъ на ея обсужденіе и прошу ее торжественно возвратить права забытымъ дѣтямъ генія“...

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

Іоркширская Трагедія взята изъ истиннаго происшествія; восторги нѣмцевъ заставили англичанъ оглянуться и признать ея красоты. Эта драма *особенная*: Шекспиръ кромѣ нея не писалъ въ этомъ родѣ; „бытовая„—сказали бы у насъ, по-русски. Франсуа Гюго предполагаетъ и даже приводитъ указанія, что Шекспиръ задумывалъ ее сложнѣе и шире, но разныя причины, необходимость скорѣйшей постановки на сцену заставили его поторопиться; онъ даже не назвалъ по имени своихъ дѣйствующихъ лицъ. Драма написана будто вся съ одного раза; будто импровизація. Это—быстрый, рѣзкій, отрывочный набросокъ: преступленіе и гибель; вотъ и все. Дѣйствіе едва завязалось, какъ ужъ бѣшено катится къ развязкѣ. Подробности не такъ выдѣланы, какъ въ другихъ, болѣе законченныхъ, произведеніяхъ; но это очерки вѣрные, мощные, полные жизни...

Главное лицо—Мужъ.—„Въ немъ чувствуется высшая натура, затерявшаяся въ порокѣ,—говоритъ Франсуа Гюго:—Онъ—игрокъ; на столько всѣмъ существомъ своимъ *игрокъ*, что играетъ даже своимъ несчастіемъ, играетъ словами...“ Онъ *зашучиваетъ*—можно бы сказать по-русски. Зашучиванье—признакъ собственнаго сознанія своего униженія и является, вообще, у людей, не столько несчастныхъ, сколько „отчаянныхъ...“ Особенно часто у насъ, русскихъ, встрѣчаются такія „высшія“, запропавшія натуры; ихъ называютъ „широкими“, но это—насмѣшка, или странное извиненіе... Эти натуры запропадаютъ именно въ мелкомъ порокѣ, въ пошлой грязи и, понимая пошлость, мелочность, грязь,—*зашучиваютъ*. Одна эта черта ужъ заставляетъ удивляться глубинѣ созданія, но Шекспиръ идетъ еще далѣе: въ раздраженіи мелко порочный человѣкъ совершилъ злодѣйство и... „раскаивается“. Онъ *не* раскаивается. Онъ только говоритъ напыщенныя слова, которыя поэтъ вложилъ ему нарочно. Несчастный вѣренъ себѣ: прежде онъ зашучивалъ, теперь *заговариваетъ* какую-то, ему самому непонятную тревогу, смѣсь какой-то жалости, какихъ-то обрывковъ вѣры, воспоминаній, надеждъ, чѣмъ должно и, можетъ быть, можно *кого-то* ублажить... Въ виду казни,—эта тревога, быть можетъ, разрѣшится рѣзкимъ, искреннимъ порывомъ, но—порывомъ отчаянія, а не раскаянія. Для раскаянія нужно самосознаніе, а этотъ человѣкъ такъ давно потерянъ, что ужъ ничего сознавать не можетъ. У него только и помысла—деньги! только и страха—нищенство! Убитыя дѣти мерещатся ему на колѣняхъ

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

у ангеловъ, а онъ все вспоминаетъ, что смертью избавилъ ихъ отъ сумы.—„Оживите, говоритъ онъ,—и вмѣстѣ пойдемъ просить милостыню!..“ Онъ низокъ. Преступленіе—злая сила, но все-таки, сила живая: она можетъ опомниться, устыдиться, раскаяться, исправиться, наказать сама себя. Но тина мелкихъ пороковъ затягиваетъ: на который оглянуться? который отбросить? мелкій позоръ входитъ въ привычку, въѣдается въ душу, одолѣваетъ. Уничтоженъ разумъ... Вотъ глубина паденія и ее-то выразилъ Шекспиръ въ трусливо-напыщенномъ „раскаяніи“ своего преступника...

Франсуа Гюго полагаетъ, что „высшая“ натура этого человѣка привязала къ нему его жену такой всепрощающей любовью. Да, вѣроятно, вначалѣ, когда онъ еще такъ ничтожно не развратился. Это подтверждаетъ догадку, что драма была задумана подробнѣе.—„Любовь жены не пассивная, говоритъ Франсуа Гюго:—это женщина нѣжная, великодушная и сильная“. Еще болѣе: она женщина умная и дѣятельная; она ищетъ не одной помощи, но и занятія этому праздному, отупѣвшему человѣку, вѣря, что трудъ просвѣтляетъ и укрѣпляетъ; она борется не отступая, до конца. У нея срывается невольный упрекъ:—„Что такое рана! бывало и больнѣе!“—но она простила, отъ всего сердца все простила; ея жизнь разбита на вѣки, но жизнь убійцы ей дорога... „Это—геройски твердая Имоджена и вмѣстѣ ангельски кроткая Дездемона!“ говоритъ о ней Франсуа Гюго...

Въ русской литературѣ, къ счастью, никогда не бывало сомнѣній о томъ, слѣдуетъ ли переводить Шекспира. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ его знали у насъ по передѣлкамъ Дюси, по рѣдкимъ отрывкамъ переводовъ, покуда Н. Полевой и Мочаловъ не показали его на сценѣ. Торжество Шекспира совершилось разомъ и полное; вѣроятно, еще есть свидѣтели, которые его помнятъ; для остальныхъ—есть восторженная и непреувеличенная статья Бѣлинскаго. Съ тѣхъ поръ у насъ узнали и полюбили Шекспира, стали изучать его. Съ тѣхъ поръ начались и продолжаютъ появляться болѣе или менѣе удачные переводы,—чаще всего, его главныхъ драмъ. Большая часть комедій и хроники вышли сначала въ прозаическомъ переводѣ Кетчера, потомъ въ изданіи Гербеля, полномъ, которое теперь уже рѣдкость. Апокрифическія пьесы не были переведены никогда; въ споръ объ ихъ достовѣрности русская критика никогда не вступала.

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

Франсуа Гюго разсказываетъ, какъ, не очень давно, въ Парижѣ, на распродажѣ картинъ была продана за безцѣнокъ *Голова женщины*, по каталогу приписываемая художнику Францу Гальсу. Купившій тутъ же разглядѣлъ на темномъ фонѣ собственноручную подпись Рембрандта.....—„Ученые судьи“—эксперты были принуждены сознаться въ ошибкѣ... Если такъ легко ошибаться, судя о произведеніи *искусства*, то въ дѣлѣ *слова* ошибка еще возможнѣе. Станемъ ли мы, русскіе, отвергать „спорнаго“ Шекспира? не будетъ ли это очень не разсчетливой и совершенно напрасной гордостью? Міровыхъ геніевъ не такъ ужъ особенно много... Неизвѣстно, что́ дастъ всѣмъ литературамъ наступающее столѣтіе, а сберегать наслѣдство—и честно, и разумно. Беречь идеалы—возвышающая обязанность... Шекспиръ является для насъ, какъ въ прошлые вѣка являлись изъ глубины земли древніе мраморы; въ числѣ ихъ есть и обломки, но лучше ихъ до сихъ поръ все-таки ничего не создано. Шекспиръ, хотя бы и отрывки,—неужели мы станемъ отказываться отъ такихъ сокровищъ?—„Отрывки спорные; надо отважиться, чтобы признать ихъ...“—Но самъ же *онъ* сказалъ:—*роза все роза, какъ ни назови ее*,—а если она и безъ имени прелестна, то почему же не назвать ее розою?..

В. Крестовскій (псевдонимъ).

Generated at University of Illinois at Urbana-Champaign on 2022-10-28 21:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/uiug.30112114874776
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN